

А гы шъ, гыртъ, утопнишы!

Ей-Богу, вѣтъ!...

Онъ дальше—больше прошѣтъ уже по поносъ ему, свиншенику. Онъ обращается цазать, монахъ и говорить:

Признавайся, ты просвиру съѣлъ?

— Нѣтъ, ей Богу, вѣтъ!

Полочь уже ему по шейку, свиншенику, уже по-топаить.

Онъ (монахъ) обращается и говоритъ.

Отчи, сознайся, ты просвиру съѣлъ? А то ты по-топнишь.

А онъ отвѣчаетъ:

Нѣтъ, ей-Богу, вѣтъ! и перекрестился.

Потомъ ему меньше, меньше ¹⁾—и выжили они на беретъ. Доходятъ они до етова мѣста, гдѣ онъ иво стрѣлъ, монахъ.

— Ну, гыртъ, цавай же, отчи ценьга надѣлимъ, ды ната расхадитца.

— А я шъ тибѣ вилѣлъ брать! свиншеникъ монаху гаварить.

Гасподь навелѣлъ адиому брать, но ви абиомъ, монахъ отвѣчаетъ.

То ему и жалка денныхъ дѣлить, но надо высынять.

То монахъ началъ ихъ на три кучки разварачивать.—денги *сты*.

А свиншеникъ гаварить:

— На што на гря кучи разварачивашинъ?

— Тада, гыртъ, увидишь, каму третья куча.

Ну, вотъ, смотри шъ ты, отчи: надѣсь столько, надѣсь столько, надѣсь столько: три кучи и все равны. Ну, вотъ эта куча тебѣ, эта мнѣ, а эта тому, кто просвиру съѣлъ.

А онъ отвѣчаетъ.

Ей-Богу, я съѣлъ! и перекрестился.

Ну, забирай гы все, гыртъ, я будь ты нинасытнай и нинапитнай

И эта истинная правда, што ани нинасытнай, нинапитнай, свиншеники.

Май 1901 г.

Е. И Рѣзакова

¹⁾ Ниже вода.